

[Электронный ресурс] / архимандрит Тихон (Шевкунов) // Православие и Мир : интернет-издание. — Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/nesvyatye-svyatye-archimandrita-tixona-rasskaz-avtora-o-knige-video/>.

5. «Несвятые святые» и другие рассказы: рождение нового жанра // Татьяна День : интернет-журн. МГУ. — Москва, 2007–2017. Режим доступа: <http://www.taday.ru/text/1198381.html>.

6. Николаева, О. «Небесный огонь» и другие рассказы [Электронный ресурс] / О. Николаева. — Москва : ОЛМА Медиа Групп ; Изд-во Сретенского монастыря, 2012. — 496 с. : ил.

7. Духанин, В. О выпадах против книги «Несвятые святые» [Электронный ресурс] / В. Духанин // Благодатный огонь : православ. журн. — Москва, 1999–2017. — Режим доступа: <http://www.blagogon.ru/digest/327/>.

8. Тихон (Шевкунов Г. А.), архимандрит. «Несвятые святые» и другие рассказы [Текст] / архим. Тихон (Шевкунов). — Изд. 7-е. — Москва : Изд-во Сретенского монастыря, 2013. — 639 с.

9. Десницкий, А. Смирение, только смирение [Электронный ресурс] / А. Десницкий // Газета.ru. — Москва, 1999–2017. — Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/comments/column/desnitsky/5920325.shtml>.

Т. С. Лазарева

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ИСКАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ НИКОЛАЯ ЛЕСКОВА*

Яркий талант Н. С. Лескова (1831–1895), одного из крупнейших русских писателей-классиков, созданный им оригинальный и самобытный художественный мир ни при жизни писателя, ни долгое время после его смерти не могли оценить по достоинству. «Достоевскому равный, он — прозёванный гений», — стихотворная строчка Игоря Северянина о Лескове до недавнего времени звучала горькой истиной.

Но с читателями Лескову не повезло... В сознании россиян писатель остаётся почти исключительно автором «Левши», «Очарованного странника». Самые начитанные вспомнят ещё «Леди Макбет», да и то потому, что фильм смотрели. Но притягательность Н. С. Лескова для читателя прежде всего связана с его духовно-нравственными воззрениями. Всю

* Настоящая статья была подготовлена в качестве доклада для выступления на VI Рождественских образовательных чтениях Приамурской митрополии.

свою жизнь писатель неизменно стремился к истине, сохранённой русской православной верой. Он горячо ратовал за восстановление «духа, который причисляется обществу, носящему Христово имя». Свою религиозно-нравственную позицию Лесков заявлял прямо и недвусмысленно: «я почитаю христианство как учение и знаю, что в нём спасение жизни, а всё остальное мне не нужно» [11, с. 339].

Николай Семёнович Лесков был убеждён в том, что книги должны не только занимать внимание читателя, но дать какое-нибудь доброе направление его мыслям. Это доброе направление писатель также связывал с христианством, неоднократно указывая на важность Евангелия, в котором, по мнению Лескова, сокрыт глубочайший смысл жизни. Евангельская истина, добро и красота — в этой триединой формуле он выразил свой нравственный идеал, который является идеалом для всего русского общества.

Николай Семёнович Лесков как писатель начался с духовной христианской темы. Его первым печатным произведением явилась заметка «О продаже в Киеве Евангелия» (1860). Стремясь «пролить в массы свет разумения», радуя за распространение в русском обществе христианского духа, Лесков высказал озабоченность по поводу того, что Новый Завет, только появившийся на русском языке, доступен далеко не каждому из-за высокой стоимости издания. Писатель с радостью принял возможность читать эту великую книгу, переведённую на родной язык, но с возмущением отзывался о книготорговцах, усмотревших в давно ожидаемом русском Евангелии лишь товар и сделавших его предметом бессовестной наживы. Лесков был особенно огорчён тем, что переведённое на русский язык Евангелие не попадёт в руки паломников со всей Руси, которые покупают в Киеве книги духовного содержания: простой богомолец вынужден будет отказать себе в приобретении Евангелия, недоступного для него по цене.

Евангелие и цена, христианская душа и кошелёк — Лесков начал свой многолетний литературный труд с того, что указал на несовместимость этих понятий.

Первая напечатанная заметка стала для него духовным компасом, указавшим ему главное направление всего его творчества. С тех пор о «важности Евангелия» Лесков размышлял, говорил и писал постоянно — до последних дней своих. На склоне лет писатель признавался в том,

что именно хорошо прочитанное Евангелие открыло ему истинный путь и его человеческое призвание.

Поражает количество его публикаций на темы религии. В 1870–1880-х годах едва ли не ежедневно появлялись рассказы, очерки, статьи, заметки Лескова, посвящённые различным аспектам духовной жизни. Особенно интенсивными религиозно-нравственные искания Николая Семёновича Лескова становятся с середины 1870-х годов, которые сам писатель охарактеризовал как время разгильдяйства и шатаний: «куда ни толкнись, всюду находишь какую-то беспорядочную суету и сутолоку» [11, с. 587]. Это было время, когда в русском обществе разобщённость между людьми достигла своего пика. Достоевский с душевной тревогой писал о том же: «Всяк за себя и только за себя и всякое общение между людьми единственно для себя» («Дневник писателя» за март 1877 года).

Способы к преодолению разобщённости предложены были столь различные, что их многообразие могло послужить лишь дальнейшему разделению. Например, революционеры стремились объединиться через участие в некоем общем деле против существующего общественного строя. Конечно, это ничем не могло помочь. Те, кто искал пути к духовной общности через укрепление семейного начала, уже ближе подошли к верному ответу на вопрос «что делать?», если понимали семью не как абстрактную «ячейку общества», но как малую церковь. Наконец, верное лекарство указали те творцы дум, кто своим творчеством утверждал такое понятие, как соборность — духовная общность народа, единение людей как в мирской, так и в религиозной сфере. Соборность является одним из основных признаков христианской Церкви. Важнейшей особенностью творчества Лескова была именно соборность понимания русской жизни: современный ему русский мир он воспринимал не в раздирающих его социально-исторических противоречиях, а в целостности. Через много лет Горький скажет: «Он писал не о мужике, не о нигилисте, не о помещике, а всегда о русском человеке, о человеке этой страны. Каждый его герой — звено в цепи людей, в цепи поколений, и в каждом рассказе Лескова вы чувствуете, что его основная дума — дума не о судьбе лица, а о судьбе России» [1, с. 236].

И, конечно, Лесков понимал, что общественные болезни можно лечить, лишь воздействуя на причину, а не устраняя симптомы. Причину зла он видел в греховной повреждённости человеческой природы. Поэтому способность России выбраться из тотального кризиса «преглупого

и преподлого времени», нравственное возрождение русского общества для него были немислимы без пастырской, отеческой, направляющей роли Церкви.

В те годы Православная церковь, несмотря на нападки со стороны левых кругов, продолжала оставаться не только основой национальных духовных традиций, русской культуры, искусства, но прежде всего носителем христианского идеала, «голосом совести» русских людей. Вопрос о Церкви являлся значимым не только для отдельного русского человека (ибо вне Церкви нет спасения), но и для всего общества. Этому вопросу не мог обойти ни один известный литератор. Первым же, кто попытался осмыслить проблему служения Церкви в наступившем «железном веке», стал Лесков.

Причастный к священническому роду, он получил воспитание в православной религиозной среде, с которой был родственно связан. Дед умер ещё до рождения внука, но Лесков знал о нём от отца и от тётки Пелагеи Дмитриевны: «всегда упоминалось о бедности и честности деда моего, священника Димитрия Лескова» [11, с. 8]. За этим образом стояла длинная череда предков писателя — династия священников села Лески Орловской губернии.

Вот фрагмент из его автобиографического сочинения, где он рассказывает про свою жизнь, в частности про свои отношения с религией: «Религиозность во мне была с детства, и притом довольно счастливая, то есть такая, какая рано начала мирить во мне веру с рассудком. Я думаю, что и тут многим обязан отцу. Матушка была тоже религиозна, но чисто церковным образом — она читала дома акафисты и каждое первое число служила молебны и наблюдала, какие это имеет последствия в обстоятельствах жизни» [11, с. 9].

Пример набожной матери подкреплялся православным благочестием бабушки: «она питала неодолимую страсть к путешествиям по... пустыням. Она на память знала не только историю каждого из этих уединённых монастырей, но знала все монастырские легенды, историю икон, чудотворения, какие там сказывали, знала монастырские средства, ризницу и всё прочее. Это был ветхий, но живой указатель к святыням нашего края» [5, с. 35].

Отец Николая Лескова — Семён Дмитриевич — завещал пятилетнему сыну: «Никогда ни для чего в свете не изменяй вере отцов твоих», — и писатель свято хранил этот отцовский завет [15].

Лесков написал множество тёплых «утешительных» образов служителей православия. Таков первый герой его беллетристики, сельский священник отец Илиодор, в дебютном рассказе «Засуха» (1862) с подзаголовком «Из записок моего деда».

Сельский священник — настоящий батюшка для крестьян, живущий их жизнью, их нуждами; бескорыстный, готовый безвозмездно служить молебны о дожде, дабы предотвратить неурожай и голод; доброжелательный, участливый, отечески заботливый. Но он может быть и настойчивым, и гневным, когда отговаривает крестьян от их варварских языческих затей. Отец Илиодор становится действительно отцом и спасителем своим прихожанам, выступает за них ходатаем, спасая от каторги.

О пастырском служении — «учить, вразумлять, отклонять от всякого... вздора и суеверий» — размышляет отец Илиодор. Эти раздумья продолжаются в первой большой повести Лескова «Овцебык» (1862). Её герой носит знаменательную фамилию — Богословский — «носитель слова Божьего». Сын сельского дьячка, выросший в горькой нужде, выучившись в семинарии, отказывается от поприща священника. Однако он не сделался атеистом и нигилистом. Душа его томится тем злом, какое он видит в мире.

Овцебык (прозвище Богословского) видит основу зла в стяжании, в наличии богатства, собственности. «Сердце моё не терпит этой цивилизации, этой нобилизации, этой стерворизации». Искренне желая просветить народ, Василий Богословский в конце жизни сожалеет, что не стал священником, к авторитетному слову которого люди привыкли прислушиваться: «Васька глупец! Зачем ты не поп? Зачем ты обрезал крылья у слова своего? Не в ризе учитель — народу шут, себе поношение, идее — пагубник» [5, с. 69].

Выход из тупика намечен в лирическом отступлении автора — одном из самых поэтичных фрагментов художественного мира Лескова — в описании впечатлений от его детских поездок с бабушкой по монастырям, первых опытов православного благочестия и общения с монастырским людом, который знает, что разгадки смысла жизни не существует вне Бога.

Николай Семёнович Лесков мечтал, что духовное обновление русского общества в духе Христовой истины придёт через идеальных служителей Церкви, подобных его самому знаменитому герою — отцу Савелию

Туберозову. Но, как действительно большой и талантливый художник, он не желал закрывать глаза на недостатки людей, считающих себя церковнослужителями, однако в земной жизни далеко отстоящих от идеалов православия. В 1872 году в журнале «Русский вестник» появляется его роман «Соборяне» — одно их вершинных созданий русской классической литературы, где главными героями являются священники, других таких романов мы не знаем. Есть, конечно, «Братья Карамазовы», где появляется старец Зосима. Но роман, в центре которого протоиерей Савелий Туберозов, смиренный священник Захария Бенефактов, детски наивный и горящий ревностью о Господе дьякон Ахилла Десницын — такой роман один. Лесков его бесконечно переписывал. Сохранилось множество черновиков.

Первая редакция романа называлась «Чающие движения воды», прямо указывающее, что смысл произведения раскрывается через Евангелие: «Есть же в Иерусалиме у Овечьих ворот купальня, называемая по-еврейски Вифезда, при которой было пять крытых ходов. В них лежало великое множество больных, слепых, хромых, иссохших, ожидающих движения воды, ибо Ангел Господень по временам сходил в купальню и возмущал воду, и кто первый входил в неё по возмущении воды, тот выздоравливал, какою бы ни был одержим болезнью» (Евангелие от Иоанна, 5:2–4).

Лесков изобразил в «Соборянах» чающих чуда исцеления и обновления в духовной жизни народа.

При удивительном разнообразии характеров герои романа обладают богатой духовностью и чистой, незамутнённой скепсисом верой, то есть, по Лескову, способностью к бескорыстному стремлению к евангельским истине, добру и красоте. Во всей русской литературе трудно отыскать равные им по художественной силе и по внутреннему обаянию образы православных священников.

Но когда Лесков в своём романе пристально вглядывается в жизнь Церкви, то, что он видит, наводит его на грустные раздумья.

Старогородская поповка, как именует главных своих персонажей автор «Соборян», представлена в романе окружённой враждебным, во зле живущим миром. Хотя показана и любовь горожан к своим батюшкам, но жизнь их, особенно служение отца Савелия, раскрывается в непрекращающейся борьбе с внешними противодействиями и даже агрессивной враждой. Главное, что угнетает его дух, — состояние умов и душ

народа. «Окамененное нечувствие» слишком многих становится причиной их равнодушия к угасанию веры, к бесовским действиям против неё нигилистов как «новых», так и «новейших».

Так, учитель Варнава Препотенский «привёл на вскрытие несколько учеников из уездного училища, дабы показать им анатомию, а потом в классе говорил им: “Видели ли вы тело?” Отвечают: “Видели”. — “А видели ли кости?” — “И кости, — отвечают, — видели”. — “И всё ли видели?” — “Всё видели”, — отвечают. “А души не видали?” — “Нет, души не видали”. — “Ну так где же она?..” И решил им, что души нет» [10, с. 83].

Откуда идёт подобная «мудрость»? Лесков прямо указывает на один из самых больных вопросов церковной жизни: духовное образование. И в других своих романах писатель свидетельствовал: многочисленный отряд нигилистов рекрутируется в духовных школах. Укажем вновь имена Добролюбова и Чернышевского. Именно бывший семинарист Чернышевский планировал уничтожение Церкви. О том же помышляют и нигилисты в «Соборях».

Но все эти «новые» и «новейшие» не преуспели бы, когда бы не паразитировали на слабостях общественной и государственной жизни. С горечью сознаёт отец Савелий, что на государстве лежит немалая вина в спаивании народа. Государство потакает распространению нигилизма. Государство равнодушно к внутреннему разлагающему действию собственных врагов, но пресекает всякое движение в защиту истинной веры. Поэтому протопоп Туберозов (говоря словами Лескова, лицо цельное, сильное, поэтическое и вместе с тем откровенно гражданское, человек разума и живой веры) стремится отстоять достоинства своего сана, защищает живой дух веры, этот родник духовности на Руси, говоря о том, что «у нас в необходимость просвещённого человека вменяется безверие, издевка над Родиной, небрежение в связях семейных уз, когда нужна духовная самостоятельность» [10, с. 231]. Именно высотой духа, гражданской скорбью и горячей любовью к Отечеству близка нам фигура отца Савелия. На глазах читателя возникает острый драматический конфликт, где с одной стороны люди цельные, искренние, духовно богатые, верящие в добро и благородный евангельский идеал, а с другой — те, у кого нет идеала, а есть либо модные западные левые идеи, либо стремление к материальным благам и практический расчёт. Увы, в стане последних оказывается церковное чиновничество — консистория, что стало причиной печально знаменитого конфликта Лескова с

Церковью. «Ах, сколь у нас везде всего живого бояться!» — так с горечью оценил Туберозов консисторское правление [10, с. 48].

Чиновник — всегда чиновник, будь он в мундире, военной форме или церковном облачении. Он всегда боится, как бы чего не вышло, всегда охраняет собственный покой и часто совершенно равнодушен к тому делу, над которым поставлен начальствовать. Более всего претерпевает отец Савелий от застойного покоя теплохладности и чиновничьего нечувствия к ревностному горению веры. Поясним, что такое теплохладность. Это духовное отступничество, состояние, при котором человек не делает решительный выбор между добром и злом, верой и неверием, святостью и грехом. Человек, равнодушный к вере или даже атеист, под влиянием жизненных обстоятельств и промысла Божия может покаяться и измениться. Теплохладный будет духовно тлеть всю свою жизнь и вряд ли когда примет Бога всем сердцем. Такой человек держит посты, творит милостыню, посещает храм и в то же время не заботится об очищении ума своего от гордыни, а сердца — от страстей. Теплохладность — это христианство без Христа, это желание откупиться от Бога внешними делами, исполнением определённых правил и ритуалов, это попытка создать комфортное христианство и сделать веру гарантом своего земного благополучия.

Лесков видел, что теплохладность стала свойством многих христиан и даже служителей Божьих. Они участвуют в церковных таинствах по традиции, исповедуются, не имея решимости переменить свою жизнь, причащаются, не задумываясь о том, что принимают огонь, который оживотворяет кающихся и опалает гордых и самодовольных. Христианство становится для них религией не духа, а привычкой... Чиновники в рясе лишь тогда возгораются, когда нарушают их покой и требуется наказать нарушителей, «чающих движения воды». Так что те, кто назначен быть духовными пастырями, сами становятся гонителями веры и Церкви.

Ощущая в себе горение редкого проповеднического дара, Савелий Туберозов отвергает официальное требование церковных властей, «дабы в проповедях прямого отношения к жизни делать опасался, особливо же насчёт чиновников». Он стремится насаждать в душах прихожан семена добра, воспитывает их не в букве, а в духе христианских идеалов, указывая на живые примеры истинной самоотверженной любви к ближнему (полунищий Константин Пизонский призрел брошенного

младенца, стал «питателем сирых»). Болея душой за судьбу Родины, Савелий Туберозов убеждён, что нельзя жить «без идеала, без веры, без почтения к деяниям предков великих... это губит Россию» [10, с. 209].

Приведу дневниковую запись отца Савелия, которая стала очень знаменитой и всё время цитируется: «...Говорил раз с довольно умным коллегой своим, отцом Николаем, и был удивлен, как он это внял и согласился. “Да, — сказал он, — сие бесспорно, что мы во Христа крестимся, но еще во Христа не облакаемся”» [10, с. 68].

В этом состоит душевная боль Лескова и проповедь, с которой Савелий Туберозов выходит к своей пастве, а Лесков к своим читателям — все оглохли, ослепли и не желают во Христа облечься, а крестятся и веруют только формально. Лесков саму цель христианства видел в оздоровлении и возвышении нравственных норм, на которых должна основываться жизнь всего человечества. Последние слова отца Савелия: «...Они здесь... Божие живое дело губят...» [10, с. 324].

Ещё более чётко разделение между духом истинного христианства и конкретной повседневной практикой Церкви Лесков обозначил в знаменитом рассказе «На краю света» (1875). О чём он? О том, на какие поистине библейские подвиги способен некрещёный язычник, руководимый совестью — голосом Божиим в любой человеческой душе. Напомним, некрещёный «дикарь» в рассказе поступает как истинный христианин, спасая архиерея из беды: сначала во время бурана прячет его в снежной яме, а потом добывает ему еду, хотя для этого ему приходится пройти огромные расстояния в сибирской тайге. Причём тунгус, обнаружив пустой чум, где можно было добыть провизию для архиерея, не просто берёт её, но оставляет в залог свой трех, несмотря на лютый мороз, чтобы хозяева чума не заподозрили его в воровстве. Его благородный поступок абсолютно бескорыстен. Архиерей говорит: «Сей, спасший жизнь мою, сделал это не по чему иному, как по добродетели, самоотверженному состраданию и благородству» [9, с. 205].

А крещёный проводник отца Кириака бросил монаха на верную смерть, да ещё и украл церковную утварь и съел Святые Дары: «Попа встречу — он меня простит» [9, с. 207].

Изображая этих двух проводников, которые так по-разному повели себя в одной и той же ситуации, Лесков ставит проблему веры формальной, веры на словах и веры на деле, веры в душе. Проводник Кириака формально был крещён и исповедовал христианскую веру, но на деле

оказался трусом и подлецом; проводник же архиерея, толкующий ему о богине Дзол — Дзаягачи и приносящий жертвы шайтану, действует по-христиански, в духе самоотверженной любви к ближнему. Любовь к ближнему в соединении с деятельным добром — это для Лескова основной признак истинного «евангельского» христианства. Дикарь совершил свой благородный поступок не только потому, что у него было доброе сердце. «Душа по природе христианка» — это изречение раннехристианского философа Тертуллиана любил повторять писатель. Человеческая природа изначально устремлена к Творцу, стремится к реализации заложенных Создателем свойств: любви, милосердия, веры. Каждый день мы находимся в состоянии выбора между божественным и богопротивным, между добром и злом. И помощник в этом выборе — данная нам Богом совесть. Проявить благую волю или заглушить голос совести — наш ежедневный экзамен, и Господь взращивает нас в меру нашей решимости следовать Его воле. Это подтверждает разговор архиерея и тунгуса после возвращения последнего с едой. Архиерей спрашивает, отчего проводник оставил свой треух в чуме в обмен на медвежью лапу, ведь всё равно хозяин не знает тунгуса. Он отвечает: «Этот, бачка, не знает, а Другой знает. — Который Другой? — А тот Хозяин, который сверху смотрит... Он, бачка, не любит, кто худо сделал» [9, с. 203].

Приведённый диалог показывает, что тунгус боялся не просто дурно поступить с человеком — он не хотел огорчить Бога. И у тунгуса есть вера, о чём говорит архиерей: «Он, не зная апостольского завета Петра, “мужался ради меня и предавал душу свою в благотворение”. Он покинул свой треух и бежал сутки в ледяной шапке, движимый не одним естественным чувством сострадания ко мне, а имея также и religio, — дорожа воссоединением с тем Хозяином, “Который сверху смотрит”» [9, с. 205]. Лесков подчёркивает, что поступок тунгуса был совершён не просто по доброте сердца, но ради Бога. Латинское religio также обозначает «восстановленная связь», «воссоединение», с помощью такой игры слов Лесков подчёркивает воссоединение тунгуса с Христом. Получается, что, несмотря на разговоры о Дзол — Дзаягачи, вера тунгуса истинно христианская. Архиерей понимает, что «дикарь» постиг сущность Христа ничуть не меньше, чем он сам или отец Кириак, и благодарит Господа: «Авва, Отче... пребудь благословен до века таким, как Ты по благодати Своей дозволил и мне, и ему [тунгусу], и каждому посвоему постигать волю Твою... Верю, что Ты открыл ему Себя, сколько

ему надо, и он знает Тебя, как и всё Тебя знает» [9, с. 205]. Постепенно Лесков приводит читателя к выводу, что русское православное христианство и понимание Христа непросвещёнными народами Сибири друг другу не противоречат, следовательно, могут существовать вместе. Это мы видим в сцене смерти отца Кириака.

Монах умирает под звуки бубна и крики шаманки, которая молится за Кириака и архиерея. И в это же время умирающий Кириак тоже творит молитву, и не только за себя, но и за инородцев. Так, в конце рассказа Лесков рисует удивительную картину духовного единения людей, которые молятся друг за друга, кто как умеет.

Как видим, писатель несколько переосмыслил само понятие веры, религии. Вера, по Лескову, мало зависит от конфессии и определяется нравственными идеалами человека. Если эти идеалы христианские, то человек (независимо от национальности) христианин, и вера его истинна. Такие выводы, естественно, послужили поводом для обвинения писателя в ереси: идею «истинного христианства» Лесков понимал как воплощение в реальной жизни максимального приближения ко Христу, иногда забывая, что для православного христианина такого приближения не может быть вне Церкви. Но вопрос о вере — лишь один из «острых углов» рассказа: смерть отца Кириака раскрыла глаза архиерею на вред формализма при крещениях, которые творились лишь ради количества, необходимого только чиновникам от Церкви. Погоня за цифрой пагубно сказалась на обращении туземцев в православие. Дело спасения — соработничество человека с Богом, и вне больших личных усилий крещение не может быть верной гарантией духовного обновления и спасения. Миссионерство должно идти об руку с просвещением крещаемых, а не погоней за количеством. Согласно отцу Кириаку, крещение — «билет», но если получившие «билет» не будут просвещены пониманием того, какие нравственные усилия они сами должны приложить к нему, это — тяжкий грех формального миссионерства.

Одним из итогов религиозно-нравственных исканий Лескова стало обращение с призывом к уважению религиозных воззрений людей и к веротерпимости, которая была свойственна природе писателя. Не секрет, что Лесков с симпатией относился к протестантам, активно выступал против гонений на инаковерующих в серии статей о староверах. Идея «взаимоверия» — по лесковскому экспрессивно-выразительному слову, найденному писателем в «Запечатленном ангеле», — способна

противостоять всеобщей обособленности и вражде, «ибо без доверия друг к другу жить невозможно». Эта мысль стала одной из наиболее плодотворных в системе религиозно-философских и социально-этических взглядов Лескова. Писатель желал укрепления «здравомыслия, простоты и любви к людям без различия вер и породы, ибо все они дети одного Творца и посланы им в разных шкурах по Его, а не по ихней воле» [2, с. 150]. Обладая сознанием человеческого родства со всем миром, писатель хотел, чтобы все люди стремились к наиболее полной жизни во Христе: «Несть ни эллина, ни иудея, а все Христос» [11, с. 405]. Здесь проявилось именно то качество русской духовности, которое Ф. М. Достоевский определял как «всемирную отзывчивость», а религиозный философ первой волны эмиграции И. А. Ильин назвал наднациональностью.

Однако преувеличивать внимание писателя к духу западной религиозности, как это делают некоторые современные исследователи творчества Лескова, всё же не следует. По этому поводу он высказался вполне определённо в статье «Карикатурный идеал» в 1877 году: «негоже нам искати веры в немцах». Писатель приложил много усилий, выступая с призывом к веротерпимости, чтобы «расположить умы и сердца соотечественников к мягкости и уважению религиозной свободы каждого», однако придерживался того мнения, что «своё — роднее, теплее, уповательнее». Православная вера «осердечена» любовью к Богу и «невыразимым знанием», полученным в духе. Что касается протестантизма, то «он вообще снимает проблему и необходимость внутренней невидимой брани с грехом, нацеливает человека на внешнюю практическую деятельность как на основное содержание его бытия в мире». Знаменателен момент в очерке Лескова «Русское тайнобрачие» (1878), когда православный батюшка подаёт «грешной» женщине надежду на Божье прощение, напоминая, что он не католический священник, который мог бы её упрекнуть, и не протестантский пастор, который пришёл бы в ужас и отчаяние от её греха.

Будучи глубоко уверенными в том, что христианские основания Православной церкви непоколебимы, «мы имеем право считать её ещё живую и способную возродиться и исполнять своё духовное служение русскому народу, а потому и говорим о её нуждах» [7, с. 522]. Писатель считал себя достойным высокого морального права указывать на недостатки отдельных священнослужителей, призванных к высокой роли

пастырей духовных. Эту уверенность Лескова можно счесть гордыней, но бесспорно то, что писатель глубоко переживал при виде формальной религиозности и церковных нестроений.

Не уходя от Православной церкви, Лесков с присущей его человеческой натуре нетерпеливостью расчищал подходы к храму, в котором, по его убеждению, должны служить чистые сердцем и наделённые высочайшей духовностью слуги Божьи.

В беллетристике и публицистике писатель истово выступал против церковной летаргии, призывал священнослужителей ревностно исполнять их истинное предназначение — духовное делание, ставя в пример образцовых слуг Божьих, фигуры которых нередко изображаются в его творчестве и являются своеобразным утешением для самого писателя. Именно подобное недовольство явилось импульсом, определившим и критический настрой, и проповеднический энтузиазм его произведений о священнослужителях. Лесков критиковал не идею Церкви, не её идеал, а людей, считающих себя причастными Церкви, однако в практике своей жизни далеко отстоящих от духа Евангелия. Испытывая к Церкви светлое глубокое чувство, писатель призывал служителей Божьего храма к совершенствованию и самоочищению.

Особо им выделено неумение и нежелание церковников чинно служить, что не может не отталкивать прихожан: «многие священники служат крайне спешно и небрежно, а кучерявые дьяконы даже не умеют внятно читать» [14].

Всё это истребляет благообразие даже в общероссийских центрах духовной жизни, что отзывается в писателе и тревогой, и глубокой душевной болью: «Счастливого исключения в этом случае не являют даже ни Лавра, ни Михайловский монастырь, где перед мощами ежедневно отправляется множество молебнов и, Боже мой, как они отправляются!..» Неуместную поспешность и торопливость в проведении церковной службы Лесков обозначил ещё одним выразительным эмоционально-экспрессивным словом «скорохват»: «у нас худо служат... у нас слабо живут, и всё это, к сожалению, правда» — подводит писатель безрадостные итоги [14].

К чему приводят подобный формализм и бездушие в духовной жизни народа? Очевидно, к падению идеалов, меркантилизму совести, распространению теплохладности, когда человек, внешне соблюдая постановления и обряды Церкви, остаётся чуждым Богу и совести, распаду

человеческих — в том числе родственных — связей, что с особой художественной силой выразилось в знаменитом рассказе Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» (1865).

В российской глубинке — в уездном городке Мценске Орловской губернии — писатель отыскал характер шекспировского масштаба. Натура «леди Макбет» — купеческой жены Катерины Измайловой, пылко влюблённой в приказчика Сергея и совершившей во имя этой страсти череду кровавых злодеяний, детоубийство и грех самоубийства, вызывает изумление и ужас читателя. Объяснения с просветительских позиций — губительным влиянием косной среды, страстей, вышедших из-под контроля разума, — будут явно недостаточными.

Бытие человека, по Лескову, не ограничивается земным существованием, но предполагает ещё и иную жизнь — жизнь человеческой души. Художественный мир писателя отражает сферы и земного, и небесного. Человек и его поступки оцениваются не только обыденным образом, но согласно христианским, евангельским нравственным идеалам. В религиозно-философских раздумьях Лескова каждая человеческая личность предстаёт не только как уникальный характер, но в её духовности — устремлённости к свету добра и правды, в свободном выборе между добром и злом. От человека требуется большое нравственное усилие, чтобы не только в чистоте сохранить в себе образ Божий, но, сколь возможно, приблизиться к идеалу Христа в жизни действительной. Это неосуществимо без преодоления искушения грехом. В русской литературе человек преодолевает в себе подобный искус постоянно.

Подобно Достоевскому, в чьём журнале «Эпоха» впервые была опубликована повесть, Лесков погружается в изучение бездн добра и зла, которые ведут непрерывную битву в душе человеческой. Борьба ангелов с демонами ясно видна в сцене убийства ребёнка-наследника. Незадолго до гибели Федя предлагает «тётеньке» почитать житие его Ангела — святого Феодора Стратилата. «Катерина Львовна подперлась рукою и стала смотреть на шевелящего губами Федю, и вдруг словно демоны с цепи сорвались» [8, с. 189]. Злое начало одерживает верх в душе расчётливой и бестрепетной преступницы, одурманенной своей страстью, лишённой религиозного чувства: «уж ни Бога, ни совести, ни глаз людских не боится» [8, с. 194].

В мире, который лежит во зле, Лесков ощущал настоятельную необходимость утверждения и защиты позитивных начал. Он выстраивал

свою художественную модель мира: путь от злобы, предательства, духовно-нравственного разложения, распада человеческих связей — к искуплению вины через покаяние и деятельное добро, следование идеалам Евангелия и завету Христа: «Иди и впредь не грехи», к всечеловеческому единению всех во имя всех создавшего Бога.

Лесков верил в образ Божий в человеке, в то, что душа человеческая может выстоять, победить, даже несмотря на временную победу бесовщины. «Двойственность в человеке возможна, — размышлял писатель, — но глубочайшая “суть” его всё-таки там, где его лучшие симпатии» [11, с. 522].

Важнейшей для Лескова является идея жизнотворчества, жизнотворчества в гармоническом синтезе мирского и священного. «Тёмным силам» в его художественном мире противостоит светлое, созидательное духовно-нравственное начало христианской жизни, знаменитые праведники. Тип праведника — это воплощение религиозно-нравственных представлений русского народа об идеальном человеке, согласно данному в Евангелии христианскому идеалу совершенства: «поступающий по правде идёт к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны» (Евангелие от Иоанна, 3:21).

Начиная с 1870-х годов тема праведничества — центральная в творчестве Лескова. Почти в каждом его произведении оживают типы людей высокой нравственной пробы всех сословий и званий. В этом отношении Лесков — уникальная фигура в истории русской словесности. Писатель, как очарованный, всю жизнь стоял перед чудом человеческого подвига и подвижничества, и в своём творчестве понял и охватил эту героическую стихию.

Он не уставал восхищаться характерами, хранящими в себе особенные, оригинальные и высоконравственные черты, живой дух православной веры. Персонажи, принадлежащие к праведническому типу, как правило, полнокровные и наделены индивидуальной неповторимостью. Таковы, например, неподкупность «неберущего квартального» Рыжова («Однодум»), бесребреничество Николая Фермора, стремление к святости Брянчанинова и Чихачёва («Инженеры-бесребреники»), совестливость, благородство, участливость Перского, Боброва, Зеленского и отца-архимандрита («Кадетский монастырь»), духовный свет «русских богоносцев» — священнослужителей («Некрещёный поп», «На краю света»), патриотизм и талантливость Левши.

Праведники Лескова воплощают идеал активного, деятельного добра. Любовь к ближнему в соединении с практическим деланием — первый признак и качество праведности. По мысли Лескова, самоотверженная любовь, деятельное добро, милосердие должны стать не только ориентиром, но и нормой человеческих отношений, социально-нравственным регулятором общественной жизни. Следование этим спасительным заповедям поможет человеку и обществу уберечься от нравственной порчи, удержаться на краю бездны.

Подлинное человеколюбие, творящее добро, бескорыстно — ради самого добра; в этом Лесков видел лучшие черты русского национально-го характера, выросшую из живого источника православия духовную силу русского народа. Любовь, согласно Лескову, есть основная духовно-творческая сила русской души.

Второй признак праведности, по Лескову, — соразмерять каждый свой шаг и обыденный образ жизни с высшим понятием о человеке, отвечающем за свои дела перед Богом. Это внутреннее состояние ответственности перед Тем, Кто всё видит, всё знает и обладает правом конечного суда, одухотворяет поступки его героев, даёт им высокое наслаждение жить свободно и независимо от греховных соблазнов, делает их устойчивыми против политических мнений века и корыстных влияний, — короче, от всего, что может свернуть их с пути свободного и ставшего привычкой подавления своеволия и исполнения высшего долга.

Праведность возвышается над простой нравственностью и потому сродни святости — размышлял писатель в «Русских антиках» (1879). В статье «Два слова о редстокистах» (1876) он говорил: «Нужны подвиги, подвиги благочестия, правды и добра, без которых не может жить в людях дух Христов, а без него суетны и тщетны и слова, и поклонения» [12].

Тема духовного преображения, восстановления «падшего образа» (согласно рождественскому девизу: «Христос рождается прежде падший восставить образ») особенно волновала писателя на протяжении всего его творческого пути и нашла яркое выражение в таком шедевре, как «Очарованный странник» (1873). Профессор Московской духовной академии Михаил Михайлович Дунаев справедливо трактовал эту повесть как притчу о странничестве души и мытарстве её на путях земных в поисках света, покаяния и обновления. Истинное содержание всего

произведения не повествование о занимательных событиях в жизни Ивана Северьяныча, господина Флягина, а раскрытие действия Божьего промысла в судьбе человека. Перемещение в пространстве для героя, вымоленного и обещанного сына, лишь переход от одного бедствия к другому, пока он не обретает успокоение в том, что было определено для него Промыслом. Например, герой повести, пытаясь противодействовать Промыслу, повергает себя в рабство (в прямом смысле). Он обретает свободу, лишь смиряясь и принимая Божью волю.

Странничество Флягина — это художественное переосмысление притчи о блудном сыне. В видениях его в татарском плену главной приметой русской земли становится храм Божий. И тоскует он не о земле вообще, но о крещёной земле. Беглец-странник начинает тяготиться своею оторванностью от церковной жизни. Как блудный сын, он в дальней стороне тоскует об Отце. Там беглец из христианского мира впервые познаёт тягу к молитве, вспоминая церковные праздники. Он не просто о родной жизни тоскует — он о православных таинствах тоскует. Так постепенно в страннике пробуждается христианское отношение к своей жизни, проявляющее себя в мелочах его действий и мыслей. В конце всех мытарств странник приходит в монастырь, где в тяжёлом противоборстве одолевает искушавшего его беса. Это последнее, самое трудное испытание приводит к обретению ранее отсутствующих качеств героя: смирения, великой христианской добродетели, которая связана с осознанием своей греховности и недостойнства, своей немощи и ощущения Божьего величия. Смирение, это глубинное самопознание, приближает человека к Богу. И вся жизнь Флягина, трижды убийцы, вдруг становится осмысленной как движение через смирение и покаяние к спасению.

Осознавая себя недостойным грешником, Иван Северьяныч помышляет о завершении своего странничества в смерти за ближних своих: «...мне за народ очень помереть хочется» [9, с. 151]. Здесь являет себя то чувство, которое вошло в его душу со словами полковника ещё на Кавказской войне: «Помилуй Бог, как бы хорошо теперь своей кровью беззаконие смыть» [9, с. 140]. И вновь вспоминается Евангелие от Иоанна: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (15:13).

За три года до смерти Лесков писал своему приёмному сыну Б. М. Бубнову: «Очень рад, что жажда света в духе твоём не утоляется,

а горит. “Кто ищет — тот и найдёт”. Не дай Бог тебе познать успокоение и довольство собою и окружающим, а пусть тебя томит и мучит “святое недовольство”» [11, с. 515].

«Неутолимая “жажда света” в исканиях истины, добра, совершенства — таков главный отцовский завет Лескова поколениям его юных читателей» [14].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Горький, М. История русской литературы / М. Горький ; [ред. текста И. П. Ладыжников, М. М. Юнович]. — Москва : Гослитиздат, 1939. — XII, 340 с.
2. Лесков, А. Н. Жизнь Николая Лескова по его семейным и несемейным записям и памятям : В 2 т. / А. Н. Лесков. — Москва : Худож. лит., 1984.
3. Н. С. Лесков в пространстве современной филологической мысли (к 175-летию со дня рождения) / Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького ; [отв. ред. И. П. Видуэцкая]. — Москва : ИМЛИ РАН, 2010. — 375 с. : ил.
4. Лесков, Н. С. Повести. Рассказы / Н. С. Лесков ; [сост., вступ. ст., коммент. С. Ф. Дмитренко ; справ. и метод. материалы Г. П. Лазаренко]. — Москва : АСТ : Олимп, 2002. — 683, [2] с.
5. Лесков, Н. С. Повести. Рассказы. Очерки / Н. С. Лесков ; сост., предисл. и коммент. И. П. Видуэцкой ; худож. В. В. Медведев. — Москва : СЛОВО/SLOVO, 2000. — 600 с.
6. Лесков, Н. С. <О продаже в Киеве Евангелия> // Лесков Н. С. Полн. собр. соч. : В 30 т. — Москва, 1996. — Т. 1. — С. 147.
7. Лесков, Н. С. Легендарные характеры / Н. С. Лесков ; сост. и примеч. Н. Н. Старыгиной. — Москва : Советская Россия, 1989. — 576 с.
8. Лесков, Н. С. Леди Макбет Мценского уезда : [повести и рассказы] / Н. С. Лесков ; [сост. С. Дмитренко]. — Москва : Эксмо, 2008. — 633, [2] с. — (Русская классика).
9. Лесков, Н. С. Рассказы. Повести / Н. С. Лесков ; [сост., вступ. ст., коммент. В. Ю. Троицкого]. — Москва : Дрофа, 2012. — 447 с.
10. Лесков, Н. С. Соборяне : повести и рассказы / Н. С. Лесков. — Москва : Даръ, 2008. — 975 с. — (Русская культура).
11. Лесков, Н. С. Собрание сочинений : В 11 т. / Н. С. Лесков. — Москва, 1958. — Т. 11 : Автобиографические заметки : статьи, воспоминания. Письма. — 835 с.
12. Новикова-Строганова, А. А. Ближе к добру, к свету познания и к правде [Электронный ресурс] / А. А. Новикова-Строганова // Благовест : портал православ. газ. — Режим доступа: http://благовестсамара.рф/-public_page_10548.
13. Новикова-Строганова, А. А. Н. С. Лесков о роли и предназначении

священнослужителей [Электронный ресурс] / А. А. Новикова-Строганова // Русская народная линия : информ.-аналит. служба. — Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2011/03/29/nsleskov_o_rol_i_prednaznachenii_svyawennosluzhitelej/.

14. Новикова-Строганова, А. А. Отцовский завет (к 185-летию Н. С. Лескова) [Электронный ресурс] / А. А. Новикова-Строганова // Радонеж.ру : электрон. период. изд. — Москва, 2016. — Режим доступа: <http://radonezh.ru/analytics/ottsovsky-zavet-k-185-letiyu-n-s-leskova-154055.html>.

15. Столярова, И. В. На пути к преображению : человек в прозе Н. С. Лескова / И. В. Столярова ; С.-Петербург. гос. ун-т. — Санкт-Петербург : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2012. — 326 с.

16. Троицкий, В. Ю. Н. С. Лесков : Начало пути. Истоки творчества / В. Ю. Троицкий ; Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького РАН. — Москва : ИМЛИ РАН, 2015. — 270 с.